

Благодарности

Когда книга дописана, автору всегда очень приятно поблагодарить тех многочисленных людей, которые помогли ему в процессе работы.

Возможностью отправиться в поездки по различным архивам, крайне важные для моего исследования, я обязана двум организациям, оказавшим мне финансовую поддержку: Мершоновскому центру изучения международной безопасности при Университете штата Огайо, от которого я получила грант, и Филсоновскому историческому обществу в Луисвилле, Кентукки, выдавшему мне научную стипендию.

Благодарю сотрудников архивов за их доброту и готовность сразу же прийти на помощь: Деанну Блэнтон из Национального архива, Джона Коски из Музея истории Гражданской войны, Джеффа Флэннери, Патрика Кервина и Бруно Кирби из Библиотеки Конгресса, Кэтрин Холл из Юридической библиотеки имени Морица при Университете штата Огайо, Ноэля Харрисона из Музея и культурного центра Фредериксберга, Элизабет Холланд, на тот момент работавшую в Публичной библиотеке Чикаго, Джеймса Холмберга из Филсоновского исторического общества, Рональда Ли и Дарлу Брок из Государственной библиотеки и архива штата Теннесси, Джеймса Льюиса из национального парка «Битва при Стоунз-Ривер», Кэти Нидергесес из архива округа Лоуренс, Теннесси, и Лиз Новара из Библиотеки имени Хорнбейка при Университете Мэриленда.

За помощь с иллюстрациями я бы хотела поблагодарить Жермена Бьенвеню из Университета штата Луизиана, Билла Дормана из библиотеки прихода Тангипахоа, Луизиана, Лору Сигер, сотрудницу исторического факультета Университета штата Огайо, Дэвида Вулдриджа из офиса Службы национальных парков в Аппоматтоксе и Кэти Райт из Музея истории Гражданской войны. Мои научные ассистенты Джон Найт, Меган Риэл и Лора Смит провели тщательную и добросовестную работу по поиску книг, статей и документов.

Своим богатым опытом со мной поделились и специалисты из других областей: полковник в отставке Фред Л. Борч, военный историк и сотрудник архива при Корпусе начальника военно-юридической службы Вооруженных Сил США, просветил меня в том, что касалось военной истории и юриспруденции, а Томас Уолдроп, специалист по изучению пожаров при Службе охраны лесов США (университет Клемсон) рассказал мне о лесном хозяйстве.

Терри Алфорд, Джин Бейкер, Марк Болдуин, Стив Берри, Сидни Блюменталь, Джон Брук, Майкл Берлингейм, Джон Бернхэм, Аня Джейбур, Стефани Кермес, Дэниэл Корнстейн, Майкл Марточчио, Стив Минтц, Дэвид Мольтке-Хансен, Рэнди Рот, Лесли Роулэнд, Эд Ругемер, Джонатан Уайт и Ли-Энн Уайтс — мои глубокоуважаемые друзья и коллеги, которые делились со мной идеями, внимательно слушали мои рассказы и оказывали теплую поддержку, когда я собирала материал и работала над книгой. Я глубоко благодарна им всем.

Марк М. Смит и Пит Кокланис, редакторы «южной» серии издательства Cambridge University Press, выказали большой энтузиазм в работе над рукописью. Спасибо редактору моей книги Деборе Гершеновиц за ее мудрость и вдумчивость.

Мои коллеги Марк Гримсли и Брукс Симпсон прочитали каждый по одной главе и предоставили полезную обратную связь. За последние двадцать с лишним лет мы с Марком не раз обсуждали те или иные аспекты эпохи Гражданской войны.

Трое моих коллег тщательно вычитали всю рукопись целиком: это Уильям Харрис, Эрл Хесс и Джордж Рэйбл. Они высказали

ценнейшие замечания по части стиля и аргументации и проявили себя настоящими друзьями. Однако если какая-то неудачная фраза или фактическая неточность избежала их внимания, то ответственность за это, разумеется, лежит на мне. Я благодарю Кристофера Вуда за возможность побеседовать и узнать его точку зрения о событиях прошлого и настоящего. Эту книгу я посвящаю моей сестре Беверли — человеку искусства, источнику вдохновения и гражданке мира.

Список сокращений

ALA	Архивно-историческое отделение Алабамы
ASI	Институт изучения Арканзаса, Центр истории и культуры Арканзаса
BU	Университет Брэдли, Пеория, Иллинойс
CHMRC	Исследовательский центр Музея истории Чикаго
CHSL	Библиотека Исторического общества Цинциннати
CMLS-VHS	Мемориально-литературное общество Конфедерации под управлением Виргинского исторического общества
CPL	Публичная библиотека Чаттануги
DHS	Далласское историческое общество
DML	Библиотека Метро в Дайтоне, Огайо
DU	Университет Дьюк, Библиотека редких книг и рукописей имени Дэвида М. Рубинштейна
ETHS	Историческое общество Восточного Теннесси
FHS	Филсоновское историческое общество, Луисвилл
GC	Геттисбергский колледж, специальные коллекции и архивы колледжа
HSWP	Историческое общество Западной Пенсильвании
ISL	Библиотека штата Индиана
KHS	Историческое общество Кентукки, Франкфорт
LC	Библиотека Конгресса, отдел рукописей
LCTA	Архивы округа Лоуренс, Теннесси

LMRL	Научная библиотека при Музее Линкольна, Форт-Уэйн, Индиана
LSU	Университет штата Луизиана, Мемориальная библиотека Хилла
NARA	Национальная служба архивов и документации, Вашингтон, Колумбия
NARA-II	Национальная служба архивов и документации – II, Колледж-Парк, Мэриленд
NYPL	Публичная библиотека Нью-Йорка
OCM	Музей «Старая ратуша», Виксбург
OHC	Исторический клуб Огайо
OR	«Война мятежников: собрание официальных документов армий Союза и Конфедерации» в 128 томах (Вашингтон: Государственная типография США, 1897)
OSU	Университет штата Огайо, исторический факультет, eHistory
RG	Группа записей
SCC	Комиссия по требованиям южан
SCHS	Историческое общество Южной Каролины, Чарльстон
TSLA	Библиотека и архивы штата Теннесси
UGA	Университет Джорджии, Библиотека редких книг и рукописей имени Харгретта
UKL	Университет Кентукки — Лексингтон
UM	Университет Мичигана, Библиотека имени Уильяма Л. Клементса
UMCP	Университет Мэриленда — Колледж-Парк, Библиотека имени Хорнбейка
UMIS	Университет Миссисипи, особые собрания
UMS	Университет Мемфиса, особые собрания
UNC-SHC	Университет Северной Каролины, собрание по истории Юга

USC	Университет Южной Каролины, библиотека «Южная Каролиниана»
UTA	Университет Техаса в Остине, Центр американской истории имени Дольфа Бриско
UTK	Университет Теннесси в Ноксвилле
UVA	Университет Виргинии, Библиотека особых собраний имени Альберта и Ширли Смолл
VHS	Историческое общество Виргинии
VMI	Военный институт Виргинии
VSP	Проект «Долина теней», Университет Виргинии
WIU	Университет Западного Иллинойса
WRHS	Историческое общество Западного резервного района

Введение

Эймит, Луизиана, 1861 год

В сентябре 1861 года во дворе Дэвида Уотерса, сорокалетнего надсмотрщика над рабами, жившего в Эймите, штат Луизиана, разместился на постой отряд конфедератов. Уотерс работал в этих местах еще до начала Гражданской войны, а зимой 1860–1861 годов он решил окончательно перебраться в Эймит — деревню в приходе Ливингстон, к северу от озера Пончартрейн. Он не был против того, что возле его дома разбили военный лагерь, — во всяком случае, поначалу — и охотно делился с солдатами едой. Однако его отношения с ними недолго оставались безоблачными. Когда они стали разорять сад Уотерса и ломать там деревья, он пригрозил, что будет стрелять, если еще раз увидит подобное. Именно так в конце концов и случилось — Уотерс открыл огонь по группе солдат, и один из них оказался убит. Остальные пришли в ярость и разрушили дом до основания, хотя офицеры и несколько сослуживцев пытались их остановить. После этого по-прежнему «охваченные гневом» солдаты срубили деревья, снесли изгороди, подожгли амбар и другие дворовые постройки и полностью уничтожили запасы провизии. За этим в ужасе наблюдали родственницы Уотерса. Хозяину сохранили жизнь, но он оказался полностью разорен. Как пишет его соседка Сара Лоис Уэдли, кроме дома и участка у него ничего не было, и с апреля, когда началась война, он не мог найти себе работу¹.

¹ См. данные федеральной переписи населения за 1860 год (с. 219) и запись от 21 сентября 1861 года в дневнике Сары Уэдли. После войны приход получил название Танджипахо.

Казалось бы, Сара Уэдли должна была искать оправдания действиям разъяренных конфедератов. Девочка-подросток из семьи рабовладельцев — ее отец занимал высокую должность на железной дороге, — она вела обеспеченную жизнь, коротая время за визитами, шитьем, посещением церкви и чтением. Сара была склонна к самоанализу: она напоминала себе, что нужно верить в Бога, становиться лучше и дорожить тем, что у нее есть. Родственники Уэдли жили по всему штату, и Сара очень любила Эймит с его типичными для маленького городка хитросплетениями светской жизни. У ее семьи было много друзей, в том числе и Дэвид Уотерс; на Рождество 1860 года они нанесли ему полагающийся визит. Во время зимнего политического кризиса некоторые ее родственники поддержали северян, однако сама Сара была убежденной сторонницей сецессии. Когда началась война, она выступила за Конфедерацию. Ее отец служил в небоевом подразделении — он был суперинтендантом на железной дороге, а Сара с матерью присоединились к швейному кружку конфедератов. Она с радостью встретила новости о победе повстанцев в первой битве при Булл-Ран в июле 1861 года².

Однако то, что произошло с мистером Уотерсом и его собственностью, ужаснуло Сару Уэдли. Она была ошеломлена, узнав о нападении, которому подвергся их друг и сосед. «Ужасно», пишет она, что на такое способны «наши собственные солдаты». Жители Эймита боялись, что отряды мятежников не удовлетворятся одним домом и подожгут весь город, так что местная милиция патрулировала этот район на протяжении нескольких дней. К превеликому облегчению горожан, поджога не случилось. Уэдли обвинила во всем нью-орлеанских солдат польского происхождения, однако эта история глубоко ее потрясла — отчасти из-за того, что Уотерс выказал солдатам гостеприимство, а те в ответ разрушили его дом. С ее точки зрения, это было неспра-

² См. данные федеральной переписи за 1860 года (с. 15), описание дневника Сары Уэдли и записи в дневнике от 3 января 1861 года, 1 октября 1860 года, 27 марта 1861 года, 13 октября 1860 года, 4 декабря 1860 года, 31 декабря 1860 года, 5 января 1861 года, 29 декабря 1860 года, 3 января 1861 года, 22 июля 1861 года, 20 марта 1861 года, 14 июля 1861 года и 28 июля 1861 года.

ведливо. И, что хуже всего, офицеры оказались в этой ситуации бессильны. Война шла всего полгода, и — хотя Уэдли об этом не пишет, — случившееся вопиющим образом нарушило Военный кодекс Конфедерации³.

Кажется странным, что подобная ситуация возникла в самом начале войны, и уж тем более, что солдаты-южане вели себя подобным образом на территории самой Конфедерации. Однако это не единственный случай. В ходе моих исследований я часто обнаруживала истории об ущербе, нанесенном мирным жителям и их собственности. Обе враждующие армии отбирали у гражданского населения еду и древесину и разрушали частные дома. Вскоре я стала задавать себе вопрос: существовали ли какие-либо документы, призванные ограничить злоупотребления? Я не рассчитывала, что кто-то стал бы в точности им следовать — поскольку слишком долго преподавала в крупных государственных университетах, чтобы сохранить веру в готовность людей точно выполнять официальные инструкции. Однако чем дальше, тем больше меня изумляло то, с каким безразличием и презрением относились к подобным документам солдаты и офицеры обеих армий. Я стала интересоваться тем, как воюющие стороны рассматривали ресурсы — и человеческие (например, гостеприимство Дэвида Уотерса), и материальные (его продукты, изгородь и дом). Результатом этого интереса и оказалась настоящая книга.

О чем эта книга

Предмет нашего исследования — это отношение к ресурсам, как человеческим, так и материальным, а также борьба за эти ресурсы, развернувшаяся в военное время между солдатами и гражданским населением. Отдельной важной темой оказались незначительные возможности официальных распоряжений ограничить действия военных. Обе армии, и северная, и южная,

³ См. запись от 21 сентября 1861 в дневнике Сары Уэдли.

в основном состояли из обычных людей, выросших в сельской местности и в небольших городах. До войны белое население обоих регионов придерживалось схожих ценностей общинности и разумного хозяйствования. По большей части представители этого населения были согласны с тем, что у каждого человека есть определенные обязательства перед другими людьми и что ценными материальными ресурсами необходимо распоряжаться с умом — хотя, конечно, иногда люди обращаются друг с другом несправедливо или растрачивают ресурсы впустую. Ни Север, ни Юг нельзя было назвать аграрными утопиями, однако среди большинства жителей обоих регионов преобладало коммуналистское отношение к другим белым и стремление разумно использовать ресурсы.

И вот началась война. Обе армии активно обратились к человеческим ресурсам Юга — к знаниям и умениям белого населения южных штатов, — и в процессе их применения разрушили, неправильно использовали и растратили такое количество материальных ресурсов, которое до 1861 года было невозможно представить. В обеих армиях всегда имелось некоторое количество солдат и офицеров, старавшихся защитить гражданское население и сохранить материальные ресурсы, однако потребности военных стояли выше, чем нужды гражданского общества и доминировавшие в довоенной культуре ценности. Обе армии выжали из материалов, необходимых для продолжения боевых действий, — того, что рядовой-янки Эдгар Элай назвал «материей» войны, — все возможное, вне зависимости от того, отправлялись ли эти материалы в Конфедерацию, в пограничные штаты или на Север. Этот подход действовал вне зависимости от этнического происхождения военных, их религиозных и политических взглядов и того, когда именно они присоединились к воюющим. Тот, кто носил мундир — неважно, синий или серый, — ставил свои потребности превыше всего⁴.

⁴ См. письмо Эдгара Элая миссис Теодор Фаулер от 24 января 1864 года. О роли гражданского населения в других войнах см. [Uglow 2014; Gibson 2014; Proctor 2010; Tirman 2011; Merridale 2006; Schrijvers 1998; Eby 1998].

Речь идет не об отдельных преступниках, дезертирах или отщепенцах. Описанное поведение было типичным для обеих армий — и для пехоты, и для кавалерии, среди офицеров разных званий, как на восточном театре, так и на западном. Историки расходятся в том, насколько эффективной, профессиональной и хорошо организованной была армия довоенных Соединенных Штатов, однако в армиях Гражданской войны практически не было кадровых офицеров, встречавшиеся же там выпускники Вест-Пойнта далеко не всегда придерживались буквы приказа. «Законы» войны, развивавшиеся на протяжении столетий, мало влияли на практические действия, то же самое можно сказать о скудной на тот момент литературе по военной теории. Верховный суд США не предоставил четких указаний, в Конфедерации же вообще не существовало Верховного суда; ни Авраам Линкольн, ни Джефферсон Дэвис не принимали непосредственного участия в создании законов, определяющих взаимодействие военных с гражданскими лицами и принадлежащими тем ресурсами. Предполагалось, что американские войска должны придерживаться Военного кодекса от 1806 года, а также ориентироваться на «Военный словарь» Генри Ли Скотта — своеобразный военный альманах, опубликованный в 1861 году. В федеральной армии в 1862 году появились приказы Джона Поупа, а в 1863 году — Кодекс Фрэнсиса Либера. Эти документы, с одной стороны, предоставляли солдатам большую свободу действий, но с другой — стремились хоть сколько-нибудь защитить нонкомбатантов и их материальное окружение. На практике такие меры работали плохо. Приказы и кодексы едва ли могли противостоять ненасытным потребностям обеих армий, обладавших собственной, независимой от директив сверху волей⁵.

Война способствует нарушению закона и, как правило, поглощает невероятное количество ресурсов. На протяжении всей

⁵ См. [Bledsoe 2015; Watson 2013; Herrera 2015; Skelton 1992; Chetail, Haggemacher 2011; Reardon 2012: 10–11, 15, 19–21, 87, 137; Coffman 1986: 42–211; Carnahan 2010: 23, 43, 119; Escott 2006: 17, 93–94; Davis 1991: 440, 541, 581]. Ср. [Witt 2012: 2–9, 237–238], где автор утверждает, что Кодекс Либера своим появлением обязан Линкольну.

современной истории, невзирая на официальные запреты, армии всегда наносили вред гражданскому населению и уничтожали его собственность. Американская Гражданская война не стала исключением. И все же поражает масштаб совершенных в ее процессе правонарушений, равно как и их последствия для нонкомбатантов. Ученые слишком часто верят в то, что достаточно издать указ, и армия автоматически станет ему следовать, однако ни один документ не может претвориться в жизнь сам по себе — нужны те, кто будет следить за его исполнением. Офицеры и солдаты неохотно подчинялись упомянутым выше приказам и кодексам, а иногда и вовсе их игнорировали. Помимо прочего, в этой книге речь пойдет именно о том, как на фоне разгорающейся войны официальные директивы становятся все менее эффективными в плане предотвращения нарушений. Гражданская война оказалась поистине «тотальной»: она потребовала эксплуатации всех имевшихся человеческих и материальных ресурсов. В ней отсутствовал «парфюмерный» период, когда армии воздерживались бы от экспроприаций. Из-за проблем со снабжением и дисциплиной обе враждующие стороны с самого начала выбрали «жесткий» подход⁶.

Созданные на скорую руку системы военного снабжения должны были обеспечивать поставки на большие расстояния. Естественно, они не справлялись. Обе армии сталкивались с проблемами на уровне организационной структуры, транспорта, технологий и финансирования, поскольку впервые участвовали в операциях подобного масштаба. Однако ученые обычно рассматривают эти проблемы с точки зрения «оптовика» — то есть служб снабжения⁷. Стоит взглянуть на них и с позиции «розницы» — под этим я понимаю непосредственное взаимодей-

⁶ См. [Dyer 1985: 4; Hickey 1990: 129–130; Schrijvers 1998: 105; Parker 2013: 28–29, 671]. В дискуссии о том, считать ли Гражданскую войну «тотальной» либо «жесткой», Ройстер [Royster 1991] и Феллман [Fellman 1995] утверждают, что она имела глубоко разрушительный эффект, в то время как Дилбек [Dilbeck 2016], Гримсли [Grimsley 1995] и Нили [Neely 2007] с этим не согласны.

⁷ См. [Goff 1969: 90–91, 129–130, vii; Wilson 2006: 3, 191–192].

стве солдат и гражданского населения. В целом в исторической науке утвердилась точка зрения, что янки хоть и не сразу, но разобрались, как обеспечить поставки, в то время как конфедератам этого не удалось. Однако если посмотреть непосредственно на поведение солдат, то станет ясно: в плане снабжения ни та ни другая сторона не отличались особой эффективностью действий. Даже армию федералов нельзя было назвать отлично смазанной военной машиной⁸.

Когда речь шла об обучении занимающих ключевые посты военных чиновников, обе армии исповедовали принцип «учись на ходу». Интенданты и офицеры-хозяйственники не получали практически никаких инструкций. По прибытии на фронт некоторые из них даже не знали, какой властью обладают другие офицеры — например начальники военной полиции. Капитан армии Севера Чарльз Фрэнсис Адамс вспоминал, что всему научился на собственном опыте. Он описывает армию как машину, в которой никто не понимает, что, собственно, эта машина делает. Эта проблема была характерна не только для федеральных войск. В ноябре 1862 года генерал-адъютант армии конфедератов Сэмюэл Купер убеждал генерал-майора одного из повстанческих подразделений прочесть Военный кодекс, поскольку тот, очевидно, вообще не был знаком с этим документом. Джордж Кэри Иглстон, как и многие солдаты Юга, ругал некомпетентных военных чиновников и утверждал, что за время войны они ничему не научились — ни выдавать паспорта, ни организовывать снабжение⁹.

Более того, ни та ни другая армия не располагали надежными механизмами, позволяющими призвать к порядку солдат, если те нарушали установленные правила. Военно-полевые суды, проводившиеся стремительно и в отсутствие какого бы то ни было установленного порядка, редко снисходили до рассмотре-

⁸ См. [Shannon 1965: 53–103; Hagerman 1988: xi–xviii, 58; Huston 1966: 179–187; Wilson 2006: 191–192; Wiley 1943: 90–107; Escott 1978: 54–93].

⁹ См. [Le Duc 2004: 68–69, 84–85; Дневник У. Ч. Брауна; Adams 1916: 135, 147; OR: 951; Eggleston 1875: 208–210].

ния дел, связанных с гражданскими лицами и их имуществом. За весь период войны всего тринадцать солдат Севера предстали перед военным трибуналом за преступления против гражданских лиц и их имущества; по оценке исследователя Роберта Алотты, за разбой, грабеж и кражу у гражданских лиц в федеральной армии казнили всего десятерых солдат. В 1862 году было учреждено Управление главного военного прокурора. Эта мера, которая должна была укрепить систему военно-полевых судов, не имела почти никакого практического значения. Данных об аналогичных военно-полевых судах или казнях в армии повстанцев не сохранилось. Структуры, аналогичной Управлению главного военного прокурора, в Конфедерации тоже не было. Однако исторические свидетельства демонстрируют, что реальная ситуация по обе стороны конфликта была практически одинаковой. В послевоенных мемуарах солдат обеих армий упоминаются многочисленные случаи нарушений. Военные не без оснований полагали, что никаких последствий у этого не будет. Системы компенсаций, предназначенные для возмещения вреда, нанесенного гражданскому населению, тоже не отличались эффективностью. В армиях Севера и Юга не было никаких страховочных механизмов, которые бы гарантировали проведение операций строго в установленных рамках. В подобном механизме нуждается каждая организация¹⁰.

Главная причина, по которой приказы оставались только на бумаге, — это менталитет большинства солдат в обеих армиях. Этими солдатами были простые люди, своенравные и непокорные; так пишут историки, и такую же точку зрения озвучивали сами военные. Армия конфедератов была слишком большой, пишет офицер-северянин Чарльз Уиллс, и потому офицеры не

¹⁰ См. [Borch 2016: 1; Witt 2012: 269, 273–274; Alotta 1989: 202–209; Kastenberг 2011: 193–228]. С аналогичными бюрократическими сложностями сталкивались медицинские департаменты и Бюро Свободы; см. [Humphreys 2013: 34–36, 38–39, 129–130, 208–242; Downs 2012: 81–82]. Патентная служба Конфедерации работала более эффективно, потому что располагала небольшим и опытным коллективом сотрудников; см. [Knight H. 2011: 4, 49–52, 204–205].

могли контролировать друг друга и своих солдат. Те, кто воевал «в поле», не всегда подчинялись приказам вышестоящего командования. Отдельные офицеры могли сколько угодно метать громы и молнии, порицая эксплуатацию гражданских лиц и их имущества, однако солдаты не всегда к ним прислушивались — отчасти и потому, что другие офицеры смотрели на такие действия сквозь пальцы или даже сами принимали в них участие. Многие солдаты воспринимали ограничения как досадную помеху, которую можно было обойти. С первых месяцев войны и до самого ее конца рядовые игнорировали слишком совестливых офицеров и поступали так, как считали нужным¹¹.

Чарльз Перроу, исследователь организационных структур, утверждает, что одна из причин, по которой бюрократия может оказаться неэффективной, заключается в следующем: исполнители опираются на собственную точку зрения, сформированную в течение предшествующей жизни, и создать новый комплекс ценностей, который придется по душе каждому, удастся не всегда. Солдаты времен Гражданской войны не обладали опытом ведения бизнеса, у них не было организационных навыков, и они не стремились четко соблюдать каждое требование; зачастую им было абсолютно все равно, что написано в уставах. Более того, их политическая культура предполагала сильное недоверие к чиновнической бюрократии. Когда они конфисковали у гражданских еду или древесину или вставали к ним на постой, обычно обходилось без заполнения каких бы то ни было документов — никому не хотелось с этим возиться. Если солдат не хотел выполнять приказы, он их не выполнял. Вместо того чтобы быть жесткими и непреклонными, военно-бюрократические структуры обеих армий были вялыми и чрезмерно перегруженными. Между тем солдатами двигали самые базовые нужды: найти пропитание, тепло и кров. Ради этого они были готовы почти на все. Результатом стала

¹¹ См. [Mitchell 1988: 138, 140–146; Glatthaar 2008: 176–185; Hughes N. 1995: 26, 82; Wills 1906: 360–361; Ramold 2010: 273–276, 286–287; Wiley 1943: 217–243; Wiley 1962: 193–223].

«тотальная» по своей разрушительности война, не отличавшаяся эффективностью¹².

Во время войны у военных и гражданских существовало множество точек пересечения. В некоторых случаях можно говорить, что они подчинялись правилам. Как мудро отмечает историк Пол Эскотт, между белым гражданским населением и армией Юга наблюдалось активное «взаимопроникновение», и то же самое можно сказать о белом гражданском обществе Юга и армии Севера. В некоторых отношениях военное и гражданское население было очаровано друг другом. Многие гражданские лица не оставались в стороне от войны и играли в ней важную роль. Однако интересы военных и гражданских расходились, и чем дальше, тем сильнее. Когда нужды одних сталкиваются с нуждами других, нонкомбатанты полагают, что приоритетом должны пользоваться именно они, особенно если на кону стоит их выживание. На фоне борьбы двух армий разгорается конфликт между ними и гражданским обществом — конфликт настолько сложный, что его нельзя свести к простой виктимизации. Некоторые гражданские извлекали из связи с армией пользу, однако значительно большему их числу пришлось отдать войне своих людей, свое продовольствие, свои дрова и свои дома. Зачастую человек даже не понимал особенностей военной политики той или иной армии. В этом изматывающем поединке гражданское население проиграло¹³.

Когда жителям Америки пришлось надеть мундиры, многие из них взглянули на человеческое поведение и материальные ресурсы под совершенно новым углом. Ученые по-разному оценивают их идеологические воззрения, мнения по расовому вопросу, способы самовыражения, преданность тому или иному политическому лидеру, взгляды на эмансипацию и так далее¹⁴,

¹² См. [Perrow 1986: 4; Grimsley 2011: 118, 135; Alvesson 2002: 1, 166–167, 172, 183; Hoffer 2007: viii, 9–10, 13; Komer 1972: viii–ix; Schuck 2014: 4, 13].

¹³ См. [Escott 2006: 72].

¹⁴ См. [Wiley 1943; Wiley 1962; Barton 1981; Jimerson 1988; Manning 2007; Sheehan-Dean 2007; Noe 2010].

однако обе армии время от времени нуждались в помощи гражданского населения. Обеим армиям требовалась провизия, тепло и крыша над головой. Зачастую солдаты решали, что могут взять все необходимое силой, отказываясь тем самым от довоенных принципов общинности и разумного распоряжения ресурсами. Для некоторых неподчинение было удовольствием само по себе. Они наслаждались свободой от ограничений и «не боялись ни Бога, ни человека», как пишет интендант-янки Алдис Брайнерд. Исследователи мозга полагают, что, очутившись вне привычных социальных ограничений, человек способен совершить то, что в обычной ситуации невозможно даже представить. В толпе этот эффект становится еще сильнее. О подобном часто писали современники Гражданской войны. Северянин Эстер Х. Хоукс, работавший врачом в Южной Каролине, отмечает, что федеральные войска наслаждались, уничтожая имущество южан, потому что находились «вдали от облагораживающего влияния дома» и плохо переносили тяготы войны¹⁵.

Тем не менее в обеих армиях продолжалось горячее обсуждение вреда, нанесенного гражданскому населению и его имуществу. Некоторые предлагали ограничить действия военных. Они находили творящиеся злоупотребления ужасающими и не собирались их терпеть. Так, солдат-северянин, с ужасом наблюдавший за грабежами в Виргинии в 1862 году, отмечал, что «война выпускает на свободу демона разрушения» и «у солдат вырабатывается вкус к разрушению». Некоторые рассматривали это как религиозную проблему или как разрушение моральных устоев, при этом другие выступали против бессмысленной траты ресурсов. Но их голоса часто заглушали или игнорировали. Когда конфедерат Дж. М. Уэддилл утверждал, что воровство на войне — это не то же самое, что в мирной жизни, он выразил точку зрения многих военных из обеих армий¹⁶.

¹⁵ См. [Marshall 1999: 83; Simon 1996: 4; Lewis 2013: 163, 166, 174–175]. См. также письмо Э. Х. Хоукса к «Уважаемой госпоже секретарю и другим дамам» от 26 ноября 1862 года (LC).

¹⁶ См. [Stout 2006: 286–292, 321–328, 329–392, 393–394, 401; Dilbeck 2016: 4–7, 128–129, 134–135, 144, 154–155; Livermore 1897: 659; Graham 2013: 191].

В данном исследовании мы также рассмотрим политические разногласия в среде белых южан и постараемся выяснить, как они повлияли на исход войны. Многие жители Юга, разумеется, были горячими сторонниками Конфедерации, убежденными, что рабство необходимо распространить на западные территории — главный пункт выборов 1860 года, — и что если этот процесс попытаются остановить, необходимо прибегнуть к сецессии. Однако многие белые южане не разделяли принципов конфедератского национализма: значительная их часть выступила против войны. На выборах 1860 года приблизительно 40 % белых мужчин в рабовладельческих штатах проголосовали против немедленной сецессии, и эта цифра никак не отражает мнения белых женщин, которые придерживались той же точки зрения, но не могли голосовать. Зимой, когда произошла сецессия, политики-южане, выступавшие за сохранение Федерации, не смогли организовать эту массу людей, однако с началом войны федеральная армия сразу же обратилась к юнионистам и юнионисткам за помощью. На ранних этапах военных действий им, как правило, помогали — точно так же сторонники сецессии поддерживали повстанческую армию. Однако постоянные требования обеих армий наносили ущерб всем гражданским, и с истощением ресурсов многие из них уже не были готовы поддерживать военных. При этом далеко не каждый противник Конфедерации был сторонником Союза: среди белых южан встречались и те, кто просто хотел держаться подальше от конфликта¹⁷.

¹⁷ См. [Foner 2010: 143; Williams et al. 2002: 1–2]. Историки расходятся в том, существовали ли в Конфедерации национализм и насколько он был популярен: Рубин [Rubin 2005], Уэзерингтон [Wetherington 2005], Галлагер [Gallagher 1997], Фауст [Faust 1988], Томас [Thomas 1979] и Мэсси [Massey 1966] утверждают, что националистические настроения на Юге были сильными, в то время как Майерс [Myers 2014], Стоури [Storey 2004], Уильямс, Уильямс и Карлсон [Williams et al. 2002], Байнум [Bynum 2001], Фишер [Fisher 1997], Дайер [Dyer T. 1999], Керрент [Current 1991], Даррилл [Durrill 1990], Берингер [Beringer et al. 1986], Эскотт [Escott 1978], Деглер [Degler 1974] и Татум [Tatum 1934] полагают, что они были слабыми либо что в течение всей войны на Юге оставались сторонники Союза. Фрилинг [Freehling 2001] указывает на популярность юнионизма в пограничных штатах.

Историография

Эта книга основана на работах многих замечательных ученых, однако в некоторых важных аспектах, начиная с взаимодействия солдат и гражданского населения, мы отклоняемся от точки зрения, принятой в современной науке. Ряд исследователей подчеркивает ту непоследовательность, с которой обе армии относились к гражданским лицам, а также свойственную их отношениям напряженность¹⁸, но мы, в отличие от них, рассматриваем непосредственные материальные последствия. Некоторые историки анализируют роль гендерного аспекта, учитывая, что большинство солдат были мужчинами, а среди гражданских было много женщин. Они отмечают, что война продемонстрировала податливость довоенной убежденности в неизменной, врожденной природе полов¹⁹. Однако такие исследования не затрагивают вопрос того, как мужчины и женщины использовали материальные ресурсы. Военные историки отмечают, что офицерам с трудом удавалось удерживать своих солдат под контролем, но не изучают, как это влияло на материальные ресурсы, необходимые гражданским для выживания. Если взглянуть на ситуацию шире, то подобный менталитет обеих армий — непокорных, не способных организовать полноценные поставки ресурсов — свидетельствует о том, что ни Север, ни Юг еще не дозрели до возможности быть полноценным государством того времени²⁰.

Сейчас ученые начинают изучать материальную сторону Гражданской войны, и наше исследование разворачивается

¹⁸ См. [Glatthaar 2008: 176–185; Escott 2006: 165–178; Sutherland 1995; Whites 2009; Ash 1995; Massey 1964: 204–211].

¹⁹ См. [Harrison 2013; Jabour 2007; Gardner 2004; Edwards 2000; Faust 1996; Whites 1995; Rable 1989; Elshtain 1995].

²⁰ См. [Reardon 2012; Ramold 2010; Escott 2006; Grimsley 1995; Mitchell 1988]. Другой взгляд на мощь и современность Конфедерации см. у [Bonner 2016: 17, 183–184, 202; Bensel 1990: 233–234]. По вопросу образования государства см. [Brooke et al. 2018].

в русле этого тренда. Историки Джоан Э. Кэшин и Майкл Де-Груччо описали возведенные монументы и «охоту за реликвиями», однако оставили бóльшую часть материального мира эпохи в неприкосновенности²¹. Также эта книга опирается на новейшие исследования в области экологической истории (Лиза Брейди, Марк Фидж, Брайан Дрейк), из которых следует, что на ход войны значительно влияли природные условия. Однако взаимодействие между армиями, гражданским населением и природой необходимо изучить внимательнее²². Те многочисленные историки, которые изучали привлечение материальных ресурсов военными, склонны обращать больше внимания на провизию и недостаточно изучать процесс с точки зрения гражданского населения; лучшим исследованием по этому вопросу остается книга Белла Уайли, написанная много лет назад. Уайли отмечает, что солдат-повстанцев, отбравших еду у гражданских, либо «порицали», либо считали «невинными», и на этом останавливается. Фуражиры армии Севера иногда следовали предписаниям, однако Уайли признает, что порой операции могли выйти из-под контроля. Дальше эту мысль он не развивает²³. Некоторые историки рассматривали влияние войны на ситуацию с древесиной и постройками. Меган Кейт Нельсон, впрочем, больше говорит о действиях северян и рассматривает, скорее, городскую жизнь. Марк Гримсли называет июльские приказы генерала Джона Поупа (1862 год) поворотной точкой в политике и практических действиях солдат²⁴. К тому же ни один исследователь не изучал довоенное отношение к материальным ресурсам на Севере и Юге, а также их связь с событиями войны. Настоящая монография является первой работой по этому вопросу.

²¹ См. [Cashin 2011; DeGruccio 2011: 15–35].

²² См. [Brady 2012; Drake 2015; Fiege 2012; Meier 2013; Judd 2014; Tucker, Russell 2004a].

²³ См. [Hess 2005: 121, 126, 161–165, 174, 257; Ash 1995: 55, 92; Escott 1978: 109–110; Wiley 1943: 102; Wiley 1962: 233–236].

²⁴ См. [Nelson 2012; Grimsley 1995].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru